

Р. ЛУЖНЫЙ

ДРЕВНЕПОЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Материалы о русско-польских литературных связях, ставшие известными в послевоенные годы, и их историко-литературное осмысление, начало которому положил П. Н. Берков своим известным докладом на IV международном съезде славистов,¹ наглядно показывают, что эпоха Просвещения отнюдь не была периодом культурной изоляции Польши и России, как считалось ранее. Несмотря на напряженную политическую обстановку времени интервенции, разделов, войн и антагонизма между народами, в этот период сложился такой уклад общественно-культурных отношений, который сделал возможным оживленные, многосторонние связи между обеими литературами. Если же учесть, что эпоха Просвещения (и прежде всего ее художественные направления — классицизм и сентиментализм) и в России, и в Польше охватывает не только последние тридцать лет XVIII в., но и первые два десятилетия XIX, то окажется, что обоюдный интерес к художественному наследию соседнего народа сыграл в литературном процессе указанной эпохи значительную роль.

Проявление подобного интереса по размерам и значению не может идти, очевидно, ни в какое сравнение с ролью западноевропейского Просвещения, особенно французской, в меньшей мере — английской и немецкой философии и литературы, в культурном развитии обеих стран. Достаточно указать на чисто формальные, количественные показатели, касающиеся переводов с польского на русский и обратно, знакомства с творчеством современных писателей, на журналистику, театральный репертуар и т. д. Тем

¹ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958; см. также: Ł u ż n y R. 1) Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w wieku XVIII. — *Slavia Orientalis*, 1960, No. 2, s. 499—502; 2) Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII. (Problematyka, stan i potrzeby badań). — In: O wzajemnych powiązaniach polsko-rosyjskich. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, s. 36—64.

не менее применительно к обеим литературам эпохи Просвещения можно говорить о наличии второстепенного, побочного, но все же легко обнаруживаемого течения: в Польше — русофильского, в России — полонофильского.

Сейчас известно достаточное количество фактов, подтверждающих существование указанных течений. Об этом говорят многочисленные переводы и переделки с обоих языков, постановки пьес на сценах соседнего народа, разработка русской темы поляками и польской — русскими писателями, критические отзывы, извлеченные из переписки и воспоминаний современников. Систематизация и предварительный анализ накопленного материала, крайне интересного в познавательном отношении, позволяет уже сейчас сделать ряд выводов и наметить известные закономерности литературного процесса, изученного пока еще не во всех деталях.

Два вывода заслуживают особого внимания. Первый состоит в том, что к концу эпохи Просвещения своеобразная рецепция польской просветительской литературы заметно усиливается, сталкиваясь с тенденциями формирующегося романтизма (переводы драм Сумарокова и Капниста, популярность Ломоносова и Державина в Польше; переводы пьес Богуславского и запоздалая литературная карьера Красицкого в России). Способствовала этому благоприятная политическая обстановка (начальные годы правления Александра I, период Герцогства Варшавского и созданного Венским конгрессом Королевства польского), которая привела к возникновению новой ситуации, содействовавшей развитию двусторонних политических и общественных связей.

Вывод второй, требующий дальнейшего уточнения и фактического подтверждения, состоит в том, что двусторонний литературный интерес не ограничивался явлениями текущей литературной жизни, но распространялся довольно широко на литературу и культуру прошлого, на эпоху, предшествующую классицизму и Просвещению. В Польше это нашло свое выражение в интересе к допетровской Руси, ее истории, культуре, языку и письменности — столь характерном для славянофильских устремлений и славяноведческих начинаний варшавского Общества друзей наук, в России — наряду с рецепцией польских классиков и просветителей — в наличии целого, хотя очень неоднородного по своему характеру «древнепольского направления».

Последующие замечания будут касаться в основном именно тех явлений русской просветительской литературы, польское происхождение которых проступает особенно наглядно. Попробуем вскрыть генезис подобных явлений. Сделать это не сложно, если вспомнить о характере литературной эпохи, предвалявшей классицизм и просвещение в России. Это был типичный переходный период, завершавший, с одной стороны, семивековую историю древнерусской письменности, с другой — открывающий перспективы развития новой русской литературы. Вторая половина

XVII в. и первых три десятилетия XVIII столетия с их осовремениванием идейного наследия прошлого, уничтожением средневековых пережитков, окончательной дифференциацией литературы, формированием новых форм и средств художественного выражения, таких как рифмованная поэзия, лирика, драма, характеризовались установлением оживленных контактов с Западной Европой. Отличительной чертой духовной жизни России тех лет является восприимчивость к культурному (духовному, языковому, художественному) наследию западных соседей, и прежде всего интерес к культуре тогдашних польско-литовско-русских земель. К этой проблеме, достаточно хорошо изученной и описанной, следует вернуться вновь, ибо она позволяет по-новому осмыслить очевидный факт: процесс, охвативший несколько десятилетий, переживший свои приливы и отливы, взлеты и падения, не закончился внезапно с концом XVII в., с эпохой Петра I и началом эпохи классицизма в 30-х годах XVIII в. Отдельные его элементы продолжали существовать и развиваться, подвергались изменениям и по-разному реализовались в позднейшие эпохи.

Не случайно авторы старых работ по эпохе Просвещения, находя в ней ростки будущего классицизма, именовали ее «предклассицизмом». Сейчас мы склонны называть ее просто эпохой русского барокко. А ведь как показали наблюдения последних лет и материалы дискуссии по барокко, начатой по инициативе А. Морозова,² стиль или направление барокко (независимо от его народного характера, степени оригинальности, русского своеобразия и роли латино-польско-украинского влияния) сохранялся в России, как, впрочем, и в Польше,³ довольно долго, в некоторых своих аспектах вплоть до XVIII в., входя в сложные отношения с поэтикой классицизма. Даже если последнее считать лишь следованием установившейся традиции, то и тогда необходимо учитывать связи и аналогии с традицией польского барокко.

Вопрос этот неразрывно связан с другой сферой литературной жизни, ее теоретическим наследием, корни которого уходят в школьные поэтики и риторики. Сейчас известно, какую огромную роль сыграли в области теории труды членов киевской Академии не только на рубеже XVII и XVIII вв.⁴

Широко бытовавшая здесь традиция античной, средневековой и европейских литератур эпохи Возрождения и барокко, а также интерес к новейшей теории искусства поддерживались здесь усилиями таких представителей украинской литературы, как Ф. Прокопович, Ст. Яворский и Л. Горка довольно долго. Как видно из

² Материалы дискуссии изложены в книге: *Literatura rosyjska. Podręcznik*, t. I. Warszawa, 1970, s. 164—167.

³ *Libera Z. Problemy polskiego Oświecenia.* — In: *Kultura i styl*. Warszawa, 1969 (см. раздел «Традиции барокко», s. 33—132).

⁴ Лужный Р. «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии. — В кн.: *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры*. М.—Л., 1966, с. 57—63.

последней работы П. Левин об изучении поэтики и риторики в начальных учебных заведениях России,⁵ эти дисциплины читались здесь вплоть до 70-х годов XVIII в., причем преподаватели в дальнейшем пользовались опытом киевской школы с ее латино-польским теоретическим багажом. Элементы полонизации украинской теории литературы⁶ продолжали существовать и сохранять свою притягательную силу и после того, как в России возник и сформировался классицизм. Упомянувшиеся в курсах поэтик имена, названия, идеи и примеры, заимствованные из произведений древнепольских авторов — П. Кохановского, М. Сарбевского, Твардовского, говорят сами за себя.

С этой восходящей еще к XVII в. культурной традицией связано знание языка и литературы древней Польши, пристальный интерес к ее историографии у ряда писателей-классиков и первых деятелей русского просвещения. П. Н. Берков привел интересные примеры из сочинений Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова.⁷ Фр. Селицкий и Г. Н. Моисеева⁸ показали, какую важную роль играло для исторических трудов Татищева и Ломоносова знакомство с работами польских историков XV, XVI и XVII вв., в частности с трудами Длугоша, Кромера, Стрыйковского.

Несомненно, однако, что наиболее живой для всего XVIII в., а в отдельных случаях и позднее, оказалась традиция переводов с польского, также уходящая корнями в XVII в. Многочисленные переводы сочинений польских авторов, усвоение через польское посредничество произведений западноевропейской литературы не были случайным актом, известным узкому кругу лиц или читателям одного поколения. Как показывают тщательные историко-ведческие разыскания,⁹ наиболее распространенными в XVIII в. в России были рыцарский роман,¹⁰ «Великое зеркало»¹¹ и «Фацеции».¹² Интерес в входившим в их состав произведениям — это отнюдь не пережиток средневекового мышления или чуждого русскому читателю общественного уклада. В новой языковой обо-

⁵ Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII wieku (1722—1774) a tradycja szkół polskich. Wrocław, 1972.

⁶ Łuźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. — In: Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII—XVIII wieku. Kraków, 1966, s. 89—107.

⁷ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, с. 21—25.

⁸ Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej. — *Slavia Orientalis*, 1965, № 2, s. 144—178, 154 и далее; см. также: Моисеева Г. Н. Ломоносов и польские историки. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, с. 140—157.

⁹ Łuźny R. Literatura polska w Rosji..., s. 57—58.

¹⁰ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. (Бова. Петр Златые Ключи). М., 1964.

¹¹ Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

¹² Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVIII века. М., 1962.

лочке, переложенные, переработанные и переписанные целиком или в извлечениях, они обрели снова вторую молодость и популярность. Повесть о Бове и история о Петре и Магеллоне сделала на русской почве подлинную литературную карьеру, расцвет которой приходится как раз на XVIII в. Образы, мотивы и сюжеты этих произведений трансформируются, подвергаются эволюции, получают различное наполнение в зависимости от воли писателя и читательских запросов, рядятся порой в дворянско-салонные, агиографические и, что особенно примечательно, сказочно-фольклорные народные одежды, становясь объектом внимания создателей «низовой» (лубочной) литературы и графики.¹³ Русский перевод «Великого зеркала», известный примерно в 200 различных вариантах, пользовался в XVIII в. успехом, как, впрочем, и позднее, не только в широких читательских кругах, но явился источником многих творческих замыслов, послужил фабульной основой ряда произведений.¹⁴ Большая часть из дошедших до нас тридцати русских рукописных вариантов «Фацеций» относится к XVIII в.¹⁵ Именно в эту эпоху популярность «Фацеций» была особенно велика среди писателей (главным образом баснописцев) и читателей, преимущественно из третьего сословия.

В XVIII в. продолжают бытовать, не утрачивая силы эстетического воздействия, и другие произведения древнепольской литературы, а также усвоенные через Польшу «Gesta Romanorum». Достаточно привести один пример. Автор курса поэтики, читанной в Вятке в 1741 г. (поэтики, созданной по образцу киевского издания Л. Горки), включил в нее ряд поэтических переводов с польского, в том числе «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переработке Петра Кохановского,¹⁶ что наглядно свидетельствует о неослабевающем интересе в той среде к польской литературе XVII в. и о следовании старой литературной традиции.

Вместе с тем XVIII век оперирует не только достижениями прошлого. Наряду с прежними переводами древнепольских текстов в это время появляются новые, которые войдут составной частью в литературу позднейшего времени. В настоящее время известно два таких перевода.

Первый из них — это книга о Совизжале (Совест-Драле), «переведенная с польского и дополненная с других языков», выдержавшая в XVIII в., как установил П. Н. Берков, пять изданий.¹⁷ История русского Совест-Драла изобилует рядом неясных моментов, как, впрочем, и «польская» его судьба. Можно лишь условно

¹³ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси, с. 228—229.

¹⁴ Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба. . ., с. 143—148.

¹⁵ Державина О. А. Фацеции, с. 40.

¹⁶ Łuźny R. «Gofred» Tassa — Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII. — In: W kręgu «Gofreda» i «Orlanda». Książka pamiątkowa Sesji Naukowej Piotra Kochanowskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, с. 119—130.

¹⁷ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, с. 27 и сл.

датировать первое ее издание в России до 1778 г.¹⁸ Первоначально книга состояла из двух частей и включала в себя только часть походов главного героя. Последующие издания (1781, 1788, 1793 и 1798 г.) были более полными, имели по три части каждая. Выходили издания без указания авторов перевода, имена которых до сих пор не установлены. Начиная со второго русского издания книга неожиданно, странным и непонятным образом увеличилась. В ее состав оказалась включенной известная уже ранее в русском переводе комедия Ф. Богомольца «Мот, или Расточитель», текст которой издатель чисто механически, путем некоторых стилистических приемов, включил в ткань основного повествования. Принадлежали ли переводчику книги о Совест-Драле также переводы двух других пьес Богомольца,¹⁹ сказать трудно. Ясно одно: перевод книги о Совест-Драле пользовался значительной популярностью, причем не только среди менее образованных читателей, поскольку он был издан вместе с комедией Детуша — Богомольца, которую публика ценила за ее «польский вкус» и «мораль, в ней содержащуюся», как видно из авторского предисловия к комедии и статьи в «Драматическом словаре» (1787).

Русский перевод Совест-Драла довольно гладкий. Нет следов рабского следования оригиналу. Переводчик удачно переосмыслил имя героя, нашел подходящую замену польским пословицам среди соответствующих русских, дал заглавие книги рифмованной прозой, следуя принципу лубочных стихов.²⁰

Предстоит установить в дальнейшем, с какого из девяти²¹ польских изданий XVI—XVII вв. был сделан русский перевод, чем явился он по отношению к оригиналу, каков был вклад русского переводчика и в каком направлении шли отклонения от текста, как отразилось в переводе присущее переводческой практике XVIII в. «склонение на местные нравы». Может быть, это косвенным образом прольет свет на историю польских изданий XVIII в. этой популярнейшей книги,²² ибо русскому переводчику, начавшему свой труд во второй половине XVIII в. (более ранние русские рукописные переводы книги неизвестны), могли быть известны как ранние, так и поздние ее издания. Итак, проблема русского Эйленшпигеля еще ждет своего исследователя. Решение этого вопроса помогло бы выяснить ряд подробностей и оценить роль русского эпизода в судьбе подлинно народного произведения европейской литературы, которое несколько неожиданно завоевало завидную популярность в эпоху расцвета русской просветительской литературы.

¹⁸ Там же, с. 28.

¹⁹ Там же, с. 31 и 39.

²⁰ Там же, с. 30—31.

²¹ Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut», t. I. Piśmiennictwo staropolskie. Hasła ogólne i anonimowe. Warszawa, 1963, s. 303.

²² Miśkowiak J. Ze studiów nad «Sowizdrzałem» w Polsce. Poznań, 1938, s. 44.

Пример второй и последний с точки зрения, здесь нас интересующей, — это судьба сборника «Апофегматы» в России. Труд Беньяша Будного, увидевший свет в конце XVI в., насчитывает в XVII столетии одиннадцать польских изданий.²³ В основе «Апофегмат» лежат собранные Плутархом популярные истории о древних философах, дополненные материалом анекдотического содержания из жизни царей, владык и полководцев, почерпнутые из разных источников. Особую четвертую часть книги составляет «повесть о женах благоразумных» (białogłowy). Польский автор снабдил книгу «местными сведениями», введя во вторую книгу в число «гетманов, сенаторов и прочих начальников» Мелецкого, «благородного сенатора и гетмана короны Польской», а в четвертую — образы Ванды и Ядвига. Нередко в текст вкрапляются факты из польской жизни. Ссылки или цитаты из древних авторов даются по-латыни или в польском переводе. От издания к изданию «краткие, витиеватые и правоучительные повести, книги четыре», именуемые по-гречески «Апофегматы», постепенно дополнялись новыми сведениями и, превратившись наконец в своеобразную энциклопедию знаний об античном мире, стали в Польше XVII в. одной из наиболее читаемых книг.²⁴

Неудивительно, что столетие спустя на «Апофегматы» обратили внимание и в России. Первый русский перевод книги вышел в 1711 г. в Москве. Позднее она неоднократно переиздавалась — всего известно три московских (1711, 1712 и 1716) и пять петербургских изданий (1716, 1723, 1745, 1765, 1781).²⁵

В 1788 г. издание «Апофегмат» было вновь возобновлено, но на этот раз книга появилась под несколько иным заглавием. Оба известных русских перевода (издания до 1781 г. были лишь перепечатками первого издания) представляли собой перевод не всей книги Беньяша Будного, а лишь первых трех частей ее. Русские издания вышли без четвертой части, где речь шла о «белоголовых», хотя, как указывают библиографы,²⁶ существует полный рукописный вариант книги, включающий раздел «Кратких и витиеватых повестей, книга четвертая, в ней же положишася гадательства честных жен и благородных дев непростых»,

Русские издания «Апофегмат», восходящие к эпохе Петра I, как и позднейшие, появившиеся уже во второй половине XVIII в., в эпоху расцвета русского классицизма, пользовались такой же популярностью, как немногочисленные художественные произведения петровской эпохи. Сопоставление русских изданий убеждает в том, что они не были результатом механического труда переводчиков и издателей. Так, от издания к изданию уточнялось,

²³ Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut», t. I, s. 61.

²⁴ Polski Słownik Biograficzny, t. III, s. 95 (artykuł W. Weintrauba).

²⁵ Ср.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800, т. I. М.—Л., с. 130—131.

²⁶ Описание изданий гражданской печати, 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, с. 119—120.

дополнялось новыми элементами заглавие книги (например, «... речей книги три, в них же разные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры»), менялась композиция книги, ее язык и внешний вид (как правило, опускалось обращение «к читателю», сокращался анекдотический материал, исключались цитаты из сочинений древних авторов, менялся порядок афоризмов). Переводчик испытывал трудности при передаче польских реалий, которые нередко опускал (ср. упоминания о Мелецком и короле Стефане), а также при передаче смысла ряда слов: польское *gładysz* неточно передано им как «самолюб», *wykrętać* как «бегун», *blazen* как «кошун».²⁷ Вместе с тем переводчик проявил немалое умение, подобрав соответствия латинским цитатам.²⁸

Русскому переводу «Апофегмат» присущ ряд серьезных искажений и ошибок, преимущественно в тех местах, где для передачи анекдотического материала трудно было найти нужные соответствия. Наиболее грубой, но и наиболее любопытной ошибкой является приписывание Телектру, в разделе жизнеописаний известных спартанцев, слов некоей Ладены, которой не жаль убитого на войне сына, ибо, по ее словам, она и родила его затем, чтобы не боялся сложить голову за отчизну.²⁹ Следует, наконец, подчеркнуть, что все русские издания «Апофегмат» XVIII в., кроме издания 1788 г., имели на титульном листе надпись: «Перевод с польского на славянский язык». В качестве такового «Апофегматы» вошли в литературную жизнь России эпохи Просвещения.

Приведенный нами обзор и систематизация фактов, частью изученных, частью лишь учтенных в библиографических справочниках, позволяют сделать следующие выводы. В широко понимаемом литературном процессе эпохи русского просвещения, крайне неоднородном по своему характеру, с ярко выраженной европоцентристской ориентацией, нашлось место и для побочной и не слишком значительной древнепольской традиции.

Хотя это течение существовало и развивалось в стороне от главного направления литературной жизни, будучи связано лишь с отдельными писательскими и читательскими кругами, оно занимало в этом процессе свое определенное место. С одной стороны, наличие этого течения свидетельствует о новом этапе в истории русско-польских литературных связей, с другой, как показала Г. Н. Моисеева,³⁰ было связано с собственной живой древнерусской поэтической традицией. И об этом не следует забывать при анализе эпохи русского просвещения.

(Перевод Л. И. Ровняковой)

²⁷ См. издание 1716 г., с. 134, 65, 26 и 22.

²⁸ Там же, с. 56—57.

²⁹ Там же, с. 152.

³⁰ Моисеева Г. Н. 1) Ломоносов и древнерусская литература. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. Л., 1970; 2) Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.